



ВЛАДЛЕН ЧЕМЕЦ

ПАДНЕГА
ИФ

КНИГА ВТОРАЯ

Владлен Немец
Планета ИФ. Книга 2

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Немец В.

Планета ИФ. Книга 2 / В. Немец — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Как известно, наша Вселенная бесконечна, а потому в ней встречаются планеты, похожие на нашу обитель. В этой книге рассказывается о событиях, произошедших на одном из таких небесных тел. Офицеры, прошедшие Мировую войну и перешедшие в Гражданской войне на сторону новой власти, поняли, что эта система не может обеспечить оборону страны в неизбежном новом военном конфликте. Однако, свергнув диктатора Джургу, они столкнулись с новыми проблемами, решение которых потребовало многолетних усилий их самих и молодых поколений их сторонников.

Содержание

Раскаты грома	5
Декабрь 1932. Джурга и Берлиозов	5
После убийства Костарева	7
Фебруарий Вишневецкий	8
Решение	10
Раздумье	12
Военный совет	13
Веселый месяц май!	16
Встреча на дороге	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Владлен Немец

Планета ИФ

Книга вторая

Раскаты грома

Декабрь 1932. Джурга и Берлиозов

Джурга быстро ходил по кабинету. Мягкий ковер глушил шаги. Сейчас он был совсем непохож на того, привычно узнаваемого по портретам, красивого человека с мудрой мягкой улыбкой. Взгляд жесткий. На лице выражение досады. Гнев раздирал душу. Он почти не обращал внимания на сидевшего около стола Берлиозова. Говорил как будто бы с самим собой:

– Они ничего не понимают! Путаники. Им бы через духовную семинарию пройти. Вот где прививают дисциплину ума. Все ясно. Все по полочкам. Нахватались там, на Западе, всяких философий, а у Основоположников ведь все ясно сказано. И в нашей программе все четко расписано. Во главе угла тяжелая промышленность. Мы находимся в капиталистическом окружении, и мы должны быть готовы ко всему. Страна должна быть могущественной державой, а Партия должна превратиться в единый монолитный отряд с дисциплиной как в ордене рыцарей Храма или у монахов ордена Сердца Божьего. Всякие шатания непозволительная роскошь. А они: «Ах крестьянство в Малославии! Ах, голодомор! Ах, слишком круто с коллективизацией!». Не понимают, не хотят понять, что если мы крестьянство не поставим в рамки, то завтра оно снова породит частника, а тот начнет душить социализм. И рабочей силы нам не хватает. А где ее взять? Значит, нужно создать условия, чтобы избыток рабочей силы из деревни потек в город. А это возможно только через коллективное механизированное хозяйство. А сколько собак на меня повесили за прекращение Нового Курса. А ведь эти мелкие и средние городские хозяйчики были не менее опасны, чем деревенские мироеды. Но этот так называемый любимец Партии... «Обогащайтесь!» – орет.

– Вы имеете ввиду Самаркандова? Опасный человек!

– Опасный то он опасный, но с ним торопиться не след. Вот кто виснет у меня на вороту, так это Радков. Ратует за союз аллеманских пролетарцев с социал-демократами. Они же нам всю идеологию запутают своими рассуждениями! Уж тогда пусть лучше Шикль. С ним по крайней мере все ясно: он там – мы здесь.

– Учту, друг Джурга. А Радкова еще кое-кто поддерживает.

– Ну тебе, слава богу, разжевывать не надо. Однако, самая главная проблема не в нем.

– Вы правы, друг Джурга. Эта история с Костаревым на съезде победителей просто позор. Вы трудитесь, здоровья не щадите, строите новую державу, а они, изволите ли видеть, за Костарева голосуют. У него, дескать, репутация. А какая у него репутация, у меня спросите. Я, с вашего позволения, им лично займусь.

– Я тебе такого указания не давал. Но если что с ним случится, то...

– Обижаете, друг Джурга. Я, кажется, еще ни разу не подводил.

– За то и держу. Я тебе так скажу, пора выдвигать молодые, решительные кадры, не испорченные заумной болтовней старперов. А тем пора и на покой.

– Будет исполнено.

– Ну ты, не очень... обстановка еще не созрела. Вот когда народ поймет их сущность, когда на них обрушится гнев масс, вот тогда. Праведный гнев масс, вот что сейчас надобно.

– Конечно! Покушения на лучших людей Партии нельзя прощать!

– *Умен, сволочь, ох умен! Придется когда-нибудь расстрелять.* Я вижу, тебе все ясно. Действуй дорогой. За мной не пропадет. Да, а почему ты меня всё Джургой называешь? Ястреб тоже неплохо, и тебе пора партийную кличку дать. Ну об этом мы еще подумаем.

– *Я, какжется, перестарался. Со старым чертом нужно аккуратней.* Спасибо за доверие, друг Джурга.

– Из спасибо шубы не сошьешь.

– Оправдаю доверие.

– Это другое дело. А то «спасибо». Да, кстати, не худо бы выяснить, чем наши военные дышат...

– Слушай, как дела с этим психом? Как его, Никитин, кажется?

– Его жалоба в отношении сожительства Костарева с его женой должна была рассматриваться парткомиссией по этике, но Никитин на заседание не явился, сказал, что комиссии не верит, и разберется с обидчиком сам.

– Ай-яй-яй! Ка-а-кой самоуправец! Надо бы в Северной Пальмире на всякий случай ОВБ укрепить. наших руководителей беречь надо!

– Уже исполнено. В помощь пальмирским органам направлена группа Задунайского. Там начальник ОВБ новый, еще не освоился.

– Когда же эта смена произошла? Почему Грибов со мной не согласовал? Много на себя берет!

– Я так понимаю, он свои кадры подбирает.

Джурга с интересом посмотрел на Берлиозова. *Кого-то он мне напоминает сейчас? Ну конечно, сову! Немигающий взгляд, еще эти его стекляшки. Хищник.*

– Да, вот еще что. Время сейчас тревожное, решительность требуется. Враг не дремлет. Да и часть старых пролетарцев морально переродилась. Предстоит большая работа по укреплению рядов. Грибову придется тяжело. Может не справиться. Присматривайся.

– *Моего непосредственного вмешательства не требует. Бережет пока. Хорошо, побережемся. Говорит, что мое время придет. Будем готовиться. С этим старым бандитом нужно держать ухо востро.* Слушаюсь. Разрешите идти?

После убийства Костарева

- Где Берлиозов? Куда он запропастился? Никогда не найдешь, когда он нужен!
- Друг Берлиозов в приемной. – Скребков хорошо знал Джургу и понимал, когда он действительно взволнован, а когда играет на публику. В последнем случае он был особенно опасен.
- Так в чем дело? Чего он там дожидается?
- Лавр Берлиозов был сама безутешная скорбь.
- Как это могло случиться?! Где вы все были?! Не уберечь такого человека, такого человека! Чего вы все после этого стоите?! Зачем мы держим весь ваш дармоедский комиссариат?!
- Друг Джурга, я глубоко скорблю о случившемся. Друг Костарев был моим личным другом. Сейчас я взял на себя смелость лично возглавить расследование обстоятельств этого чудовищного злодеяния. Первые результаты показывают, что имела место преступная халатность. Однако, не исключая, что за этим может крыться заговор.
- Вот именно. Убийство друга Костарева может являться сигналом для скрытых врагов пролетарской власти и партии к открытому наступлению на завоевания трудящихся. Совершенно необходимо их упредить!
- Абсолютно с вами согласен, но...
- В чем дело? Что тебя смущает?
- Кадры контрразведчиков меня беспокоят. Старые привычки...
- Сейчас не время об этом. Коней на переправе не меняют.
- *Ага, значит после переправы.* – Лавр встал, одернул гимнастерку. – Разрешите идти?
- Не торопись! Я вот о чем думаю – мы должны действовать оперативно. Нельзя давать врагам опомниться.
- Можно создать чрезвычайные суды с особыми полномочиями и ускоренной процедурой рассмотрения дел.
- То, что ты предлагаешь, очень и очень серьезно. Здесь необходимо участие представителей трудящихся. Кроме того, наш народ должен знать всю глубину падения этих перерожденцев, всю мерзость и чудовищность их злодеяний. Необходима широкая пропагандистская компания, которая поможет широким массам правильно ориентироваться в обстановке.
- Совершенно с Вами согласен. Необходимо правильно направить ярость масс.
- Вот именно! Ну это уж по моей части. А следственным органам следует добиться показаний, которые высветят истинное лицо этих отщепенцев.
- С вашего разрешения организацию следствия и передачу дел чрезвычайным судам я бы взял на себя. Вот только Грибов... Меня смущает его нерешительность.
- На всякий гриб найдется свой грибник. Кстати, ты Вожикова хорошо знаешь?
- Если его правильно сориентировать...
- Вот и побеседуй с ним от моего имени, а потом уж и я подключусь.
- Все ясно. Разрешите приступить?
- Как говорили у нас в семинарии, с богом!

Фебруарий Вишневецкий

– Друг Джурга, Вишневецкий в приемной. – На обычно бесстрастном лице Скребкова явно читалось неодобрение.

– Вот что, ты свое мнение с физиономии убери! Что он мерзавец, мне и без тебя известно. И как он на Ильина охотился, тоже знаю. Проси!

В кабинет робко, не поднимая глаз, вошел доктор юридических наук, профессор и свежеиспеченный академик Фебруарий Фебруарьевич Вишневецкий. Студенты юридического факультета Столичного университета поразились бы, увидев как сейчас выглядит их вальяжный с барскими манерами декан. Сейчас он был похож на нашкодившего школьника, вызванного «на ковер» к директору. Антипролетарское прошлое Вишневецкого Джургу отнюдь не смущало. Напротив, оно было той самой веревочкой, на которой он Вишневецкого держал.

– Здравствуйте дорогой Фебруарий Фебруарьевич, – Джурга выговаривал каждое слово с удовольствием и широко улыбался. Так, наверное, улыбался бы сытый кот мышке, если, конечно, кот мог бы улыбаться. – Слушаю вас очень внимательно.

– Друг Джурга, в соответствии с вашими основополагающими установками в отношении специфики переживаемого нашей страной периода, а также исходя из выработанного вами гениального положения о классовой сущности юриспруденции, группа ученых – юристов при непосредственном участии вашего покорного слуги (*Ох, кажется зарпортовался!*) выработала два юридических принципа, которые, как мы надеемся, помогут нашим судам и следственным органам правильно осуществлять свои функции в отношении врагов нашего родного пролетарского государства. Прежде всего, мы отмечаем, как не соответствующую положениям о классовой борьбе, так называемую презумпцию невиновности. На этом основании, а также исходя из вашего указания о том, что классовая борьба будет усиливаться по мере продвижения нашего общества к победе социализма, мы считаем особо важным внедрение в судебно-следственную практику положения о том, что обвиняемый не свободен от доказательства своей невиновности.

– Ну а если по рабоче-крестьянски, то как это все понимать следует?

– Это означает, что следователям на основании имеющейся у них информации достаточно предъявить обвинение, а обвиняемый должен сам доказывать свою невиновность.

– Понятно. Скажите пожалуйста, может ли служить такой информацией заявление отдельного правильно настроенного и политически бдительного гражданина?

– Безусловно, друг Джурга.

– Ну а второй принцип? Минуточку, – Джурга нажал на кнопку звонка. И обратился к появившемуся в дверях Скребкову: «Организуйте нам, пожалуйста, чай. Уж очень интересный разговор получается». Продолжайте, прошу вас Фебруарий Фебруарьевич. *Черт, как такое языколомие выговаривать!*

– Вы, друг Джурга, неоднократно обращали наше внимание на хитрость и изворотливость агентов международного империализма, и их умение прятать вещественные доказательства. На этом основании нами разработан принцип, который может быть сформулирован как «Признание – царица доказательства». Кроме того, следственные органы получили разъяснение о том, что поскольку наши классовые враги за рубежом не колеблясь применяют пытки по отношению к сознательным борцам за дело пролетариата, то и наши следственные органы могут и даже обязаны в отдельных обоснованных случаях применять дозированное физическое воздействие по отношению к особо упорно запирающимся подследственным.

– Они с Лавром два сапога-пара. Этот тоже сволочь редкостная. Вы проделали большую работу, друг Вишневецкий. Я глубоко убежден, что ваши труды войдут в сокровищницу нашей социалистической пролетарской юриспруденции. Кстати, в ближайшее время

пройдут процессы над переродившимися отщепенцами, предавшими Родину и дело социализма. Есть мнение поручить вам ответственнейшее и почетнейшее дело – выступить государственным обвинителем на этих процессах. Как вы отнесетесь к этому предложению?

– Сочту за величайшую честь оказанное партией и лично вами, друг Джурга, доверие и постараюсь его оправдать.

– Ну вот и отлично!

Решение

Маршал тяжело вздохнул и отошел от стола, на котором только что закончилась очередная военная игра. В зале повисла тишина. Невольно в душу закрадывалось чувство вины. Конечно, это были всего лишь штабные учения, но от этого было не легче. Военные игры показывали, что в грядущей войне Пролетарскую армию ждут тяжелые поражения.

Страна жила былыми победами. Повсюду звучали бравурные марши. Воротило выступал с речами о непобедимости Пролетарской армии, и, похоже, сам в это верил. Руководители страны жили во многом в прошлом. А в генштабе знали страшную правду – Великославия не готова к современной войне.

Наверху считали, что главными противниками в грядущей войне будут Полония и Страна Голубых Рассветов. Для борьбы с ними у Великославии действительно хватало сил. На Дальнем Востоке границу держала Особая Ударная армия, хорошо обученная и экипированная. Что касается Полонии, то ее руководители зациклились на компании 1920-го года, и основную силу Полонийской Армии по прежнему составляли стрелковые и конные дивизии.

* * *

Все началось, когда Прозоров задействовал и частично обновил старую резидентскую сеть, а потом чуть не разорил комиссариат обороны подпиской на множество иностранных газет и журналов. Официально подписка шла через Центральную Государственную библиотеку, но платил комиссариат. Организованный при генштабе аналитический центр с трудом переваривал всю обрушившуюся на него информацию. Выводы этого центра сопоставлялись с данными, полученными группой Городецкого, Федосеева, Дерябина, которая на протяжении шести лет принимала участие чуть ли не во всех военных конфликтах на планете.

Стало ясно, что основным противником Великославии будет Аллемань, которая, в результате поражения во Всемирной войне, лишилась былых источников сырья и дешевой рабочей силы, но сохранила свой громадный промышленный потенциал, и жаждала реванша.

А тут еще Костомаров и Гольдберг «откопали» группу молодых математиков, и те разработали аналоговую вычислительную машину. Она дала возможность переводить информацию на язык цифр, электрических емкостей, индуктивностей и активных сопротивлений. В результате моделируемые на ней военные игры проводились с высокой степенью достоверности.

Маршал смотрел в окно, но видел не оживленные улицы большого города со снующими прохожими, потоками транспорта, а... поля приграничных сражений. За огненным валом артиллерии через разгромленные оборонительные рубежи Пролетарской армии – развороченные окопы, разбитые бетонные перекрытия долговременных укреплений – шли стальные клинья бронетаранных корпусов Аллемани, прокладывая дорогу мотопехоте. Над полями сражений нагло, на бреющем полете, проносились аллеманские воздушные армады. А перед этим валом бежала дезорганизованная, морально подавленная, потерявшая управление, не способная к сопротивлению Пролетарская Армия. И страшный крик: «Окружили! Продали!». Это уже не армия. Аллеманскому вторжению некому противостоять...

Генеральный штаб через ИТП – Институт технических проблем, созданный на основе безвременно почившего Уникума, делал все, что мог – модернизировал производственные процессы на военных заводах, вводил более жесткие требования к вооружениям и боеприпасам. Но все это было каплей в море. Главная беда состояла в том, что экономика страны в ее тепершнем состоянии просто не могла выдержать дополнительных нагрузок.

Трокачев вернулся к столу: «Ну что приуныли? – проговорил он деланно веселым голосом. – Бывает. За одного битого двух небитых дают. Надо не киснуть, а делать выводы и искать выход. Александр Григорьевич, – обратился Трокачев к Городецкому, игравшему в этот раз за „Черных“, – что вы это прямо как на похоронах любимой тещи (послышались смешки). Вы работали грамотно. Хорошо использовали ресурсы и ваш боевой опыт. Вам стыдиться нечего. Впрочем так же и тем, кто играл за „Своих“. Против фактов не попрешь. Как я уже сказал, будем анализировать, думать. Пока все свободны».

Штабисты так спешили покинуть зал военных игр, что в дверях даже образовалась пробка.

Оставшись один маршал подошел к карте страны. Он шел к решению. Михаил Николаевич знал, что при поражении в реальной войне именно его сделают козлом отпущения, именно на него свалят все грехи и просчеты руководства страны. Зачеркнут славное прошлое. Втопчут в грязь имя. А сестренки... Не может быть, чтобы не было выхода. Выход должен быть. Страна должна встряхнуться, перестроиться. Он еще не знал как именно, но хорошо понимал, что путь теперешнего руководства – дорога в никуда. Все так, все правильно, но с кем советоваться, на кого опереться?

И вдруг как озарение в памяти пронеслось... Страшная анархия в лагере формирования Ударной дивизии... Битва ни Итиле... Уход из Полонии и тот мост. Фузилеры. Именно они, старые верные друзья.

А пойдут ли они за ним на этот раз? То, что он хочет предложить, не просто риск – рисковать они не боятся, но здесь в случае неудачи позор, расстрел по приговору суда, репрессии в отношении родных. Зачем им это? У них сегодня всё складывается благополучно. Снова генералы, интересная работа, обеспеченное существование... Но ведь они ГОСУДАРСТВЕННИКИ.

Раздумье

Скрипка то рыдала, то тихо грустила, то вдруг взрывалась яростью и страстью. С тревогой прислушивались к этой непонятной и жуткой импровизации, доносившейся из кабинета Михаила Николаевича, молоденькая жена и сестры. Что-то происходило с ним в последнее время. Он стал замкнутым, молчаливым. Глубокая складка над переносьем. А теперь еще вот эта страшная музыка.

А пятизвездный думал, мучительно размышлял. Казалось бы, все уже для себя решил. И все же. Двадцать лет службы от бравого выпускника императорского военного училища до маршала. За спиной было всякое... И «упоение в бою», как сказал поэт, у молодого фендрика; и великолепные решения сложнейших ситуаций молодым полководцем – эти операции теперь изучают в военных академиях всего мира. Были и такие дела, о которых не хотелось вспоминать. Однако, он всегда мог сказать: «Я солдат. Я выполнял приказ».

Но вот теперь... Трокачев отложил скрипку, подошел к окну. В непроглядной ночи выла мартовская мятель, ледяная крупа билась о стекло.

То, на что он решался, на языке юристов квалифицировалось как государственная измена. Но его долг, долг военного, которому страна доверила защиту от врагов, требовал, чтобы он выступил против правительства, чьи приказы он до сего времени безотказно выполнял, против правительства, которое осыпало его наградами и дало ему высшее воинское звание.

Страшно было за жену и мартышек, как он любовно называл своих сестер. Он на мгновение представил себе их в руках палачей, и содрогнулся. Сам-то он живым не дастся.

Нужно поднять элитные части, убедить армию и народ в своей правоте. А это неизменно трудно: Джурга, благодаря гениально поставленной пропаганде, приобретал все большую популярность, а служба внутренней безопасности наводила ужас даже на самых мужественных людей.

А что делать после переворота? Как закрепиться?

Конечно, он не один: наверняка, думают, переживают, мучаются от бессилия что-то сделать, что-то предпринять Фузилеры, Городецкий, и другие преданные стране люди. Но ответственность лежит на нем. Окончательные решения принимать ему. Он должен сказать решающее слово. И поделиться этим грузом не с кем. Вот, разве что со скрипкой.

Военный совет

Таким они маршала еще не видели. А видели они его не раз в минуту жизни трудную: и перед Итилийским прорывом, когда от исхода операции зависела жизнь его самого и его любимых сестер; и при отступлении от города Русалки, когда неминуемая, казалось, победа обернулась поражением. Сегодня его лицо было бледным, под глазами синие круги, как у человека недосыпающего или страдающего бессонницей, но в глазах жесткая решимость.

– То, что я сейчас скажу, надеюсь, вас не удивит. Мне почему-то кажется, что мы с вами сегодня снова думаем в одном ключе.

Прозоров и Костомаров молча смотрели на маршала, явно ожидая, что последует за таким многообещающим началом. Но поскольку Трокачев о чем-то задумался и замолчал, то Костомаров сказал: «Продолжайте, пожалуйста, Михаил Николаевич. Мы вас очень внимательно слушаем».

– Вот вы сидите передо мной, два моих старых друга, крупнейшие специалисты в своей области. Вы, Сергей Сергеевич, как мне жалуются из комиссариата обороны, просто заботились, простите за выражение, оборонную промышленность. Сколько заводов вы остановили в этом году?

– Тридцать. Но не только из-за низкого качества продукции. Дело обстоит гораздо хуже. Оружие наше по большей части устаревает, еще не успев появиться на свет. Пехота вооружена пятизарядными винтовками образца прошлого века, а на западе семидесяти- и стозарядные автоматы. Остальное в том же духе. Да ведь вы все это знаете, и, насколько мне известно, учитываете в военных играх.

– Учитываем, как не учитывать. Данные о военной промышленности Аллемани, а также о ее возможностях в части разворачивания армии под руководством опытных высококвалифицированных офицеров и унтер-офицеров, имеющих за плечами опыт мировой войны, просто страшны. Не так ли, Алексей Алексеевич?

– К сожалению всё именно так. В течение двух лет Аллемань может развернуть прекрасно обученную и вооруженную по последнему слову техники армию численностью до полутора миллионов солдат. Да и строящийся сейчас Флот Открытого Моря тоже в состоянии преподнести неприятные сюрпризы.

– От себя могу добавить, что физическое и моральное состояние нашей армии внушает очень большую тревогу. Призывники, особенно из деревни, страдают дефицитом массы, то есть истощены. Командиры деморализованы волной арестов и доносами. Анализ политико-экономической ситуации в стране показывает, что при теперешнем режиме положение выправить не удастся. Это означает, что тяжелые поражения в будущей войне неизбежны. Об этом говорят и результаты всех наших последних военных игр. Я не для того принял на себя обязанности начальника генерального штаба, чтобы спокойно смотреть как Великославия катится к военной катастрофе. Да и роль козла отпущения меня тоже не устраивает. Я не намерен встать перед расстрельным взводом. Вам все ясно?

– Не все, Михаил Николаевич, не все. Вы не сказали, что вы намерены предпринять.

– Хорошо, Алексей Алексеевич, скажу. Я намерен выполнить свой долг перед родиной и отстранить от власти Джургу и его прихлебателей!

– Вот теперь все ясно.

– Готовы ли вы, Алексей Алексеевич, и вы, Сергей Сергеевич, помочь мне в этом?

– Мы были готовы еще в 1927. Вас ждали.

– Просто ждали?

– Конечно не просто ждали, а готовились.

– А если бы я не решился?

– Мы знаем вас как человека решительного и обладающего авторитетом в армии и в стране. Мы были уверены, что вы придете к такому решению.

– Знаете, друзья мои, иногда мне становится жутковато. Вы почему-то всегда угадываете мои решения еще до того, как я их приму. Нет, я не шучу. Я еще не знал, что нужно делать на Итиле, а вы подготовились так, как будто я уже отдал приказ. На Гнилом море я молил бога, чтобы Нестор не ударил мне в спину, когда Брон решил национализировать поместья, а Нестор дал нам подмогу. У Русалки я готовился к решительному наступлению, а когда вместо этого пришлось спешно отступить, оказалось что приняты все меры для успешного ухода. Мне пришлось перевести вас в резерв в 1922, а оказалось, что вы и там армии подмога.

– Сергей Сергеевич, надо объясниться, а то и вправду заработаем репутацию колдунов, – Прозоров улыбался, но глаза оставались серьезными.

– На Итиле нас мог спасти только какой-то маневр, Михаил Николаевич. Какой, мы, конечно, не знали, но знали, что для любого маневра требуются транспорт и все остальное. На Гнилом море Нестор сам обратился к нам. Он понимал, что мы отложим операцию на пару недель или месяц, но от него мокрое место останется. А у Русалки при любом варианте нужно было освобождаться от всего лишнего.

– Допустим, допустим, но как бы то ни было, когда вы со мной, я не сомневаюсь в успехе. Итак, я принимаю на себя руководство действиями. Что у вас заготовлено, – не удержался, – колдуны?

– Разработаны принципы захвата власти и ее удержания. Приняты предварительные решения по выполнению первого этапа – отстранения от власти Джурги и его компании. Для удержания власти необходимо все операции провести так, чтобы страна на первый момент не почувствовала существенных изменений, то есть должны продолжать нормально функционировать все партийные и правительственные учреждения, включая комиссариат внутренней безопасности. Будут остранены только некоторые руководители, но и это должно быть выполнено без драматизма. Джурга, по его собственной просьбе, получит отпуск на лечение.

– Вы все предусмотрели. В чем же состоит моя роль?

– Ваша роль и на первом этапе очень важна, Михаил Николаевич. Во-первых, именно вы должны определить момент выступления и отдать команду мне, – начал Прозоров. Почему именно мне? Согласно нашим наработкам, первый этап проходит под моим руководством. Это вы, конечно, должны утвердить. Никакой дополнительной информации мы дать пока не можем.

– Предложение принято. Дальше?

– В столицу должен быть переведен Городецкий. Очень желательно, чтобы он стал командующим столичным округом или хотя бы гарнизоном столицы. Остальное по ходу действия. А пока позвольте преподнести вам небольшой презент по случаю начала нашей совместной деятельности.

– Это что?

– Как видите, всего лишь пилюли. Шесть штук по числу членов вашей семьи. Надеюсь ими воспользоваться не придется, но в случае необходимости... абсолютно безболезненны и мгновенного действия – паралич сердца.

– Ничего не скажешь, подарочек. – Маршал грустно улыбнулся. – Но на войне как на войне. Еще один вопрос: Городецкий тоже **государственник**?

Друзья удивленно переглянулись: «А вам откуда известно о том, что мы государственники?».

– Слухом земля полнится. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Нет, не государственник, но мы его «прощупывали». Полагаем, человек надежный. Собственно, по нашим наработкам, – продолжил Прозоров, – ему придется вмешиваться только в самом крайнем случае. Поэтому он, пока, ни во что не посвящен.

– Что ж, с богом. Да будет сталь крепка!

Веселый месяц май!

– Нина Матвеевна, зайдите, пожалуйста.

Приглашение было необычным. Во-первых, Прозоров всегда вызывал ее звонком. А во вторых, Нина Матвеевна, работала с Алексеем Алексеевичем давно, и по опыту знала, что сейчас, в конце рабочего дня, нужды в ней нет: все напечатано, отправлено, разложено, все распоряжения переданы... Сердце екнуло в недобром предчувствии. Оно еще более усилилось, когда Прозоров усадил ее так, что сам оказался между ней и дверью.

– Нина Матвеевна, разговор у нас с вами будет доверительный. Всё будет зависеть от того, насколько вы будете искренни.

– Алексей Алексеевич, я ничего не понимаю...

– Ответьте пожалуйста, что произошло вчера вечером? Почему это произошло?

– Но Алексей Алексеевич! Я...

– Нина Матвеевна, – перебил Прозоров, – если я сам начну рассказывать, – Алексей Алексеевич улыбнулся только мускулами лица, а глаза глядели холодно и грозно, – то никакой доверительной беседы у нас не получится. Итак, давайте с самого начала.

– Эх, сколько можно мучиться и самую себя презирать! Хорошо, что он спросил. Будь что будет!

– Нина Матвеевна, я жду.

И Нина Матвеевна, прерывая свой рассказ слезами и сморканьем в аккуратненький, обшитый кружевом платочек, начала:

– Делайте со мной что хотите! Я страшно виновата, даже сама себя ненавижу. Они встретили меня два месяца назад, по дороге домой. Разговор был очень короткий: «Если хотите, чтобы ваша дочка была жива и здорова, выполняйте, что мы вам скажем. Звонить будем домой». – А у меня никого кроме нее нет! Я стала передавать им информацию о работе штаба...

– Вы все сказали? Или что-то еще осталось?

– Осталось. Неделю назад они приказали, чтобы я сообщала, когда и куда ездит Александр Григорьевич, и маршруты его следования.

– Только его?

– Только его.

Прозоров понял, что она говорит правду – терять ей было уже нечего. Кто «они», он не спрашивал. Эти не представляются без нужды.

– Слушайте меня внимательно. Когда будете выходить, возьмите пару папок – мы с вами разбирались в материалах. Вы, кажется, косметикой не пользуетесь? Вот и хорошо. Пройдите в мою комнату отдыха, умойтесь, приведите себя в порядок. О нашем разговоре, сами понимаете, никто не должен знать.

– Алексей Алексеевич, что теперь будет?

– Не знаю, но многое будет зависеть от вас самой. Теперь идите. Завтра поговорим.

– *Господи, неужто простил?!* – она попыталась поцеловать руку Прозорова.

– Я не архиерей. Благословения не даю. Успокойтесь.

* * *

В то утро Городецкий позвонил в генштаб, и попросил передать Прозорову, что он выезжает из Тайницкого и будет в штабе через два часа.

– Александр Григорьевич, вы в город? Можно мне с вами?

Городецкий гостеприимно распахнул дверцу машины:

– С вами хоть на край света! О, да вы сегодня в штатском! Оно вам, Катя, очень идет.
– У меня увольнительная. Решила пройти по магазинам. Вчера денежное довольствие получили.

Километрах в двадцати от Тайницкого шедшая навстречу большая черная машина неожиданно затормозила и развернулась поперек дороги, загородив им путь.

– Катя, это, кажется за мной. У вас какое удостоверение?

– Гражданское. Нина меня зовут.

– Соппротивление не оказывайте. Сообщите Прозорову.

Из черной машины вышли двое в форме комитета внутренней безопасности:

– Ваши документы! Гражданин Городецкий, вы арестованы. А вы кто такая?

Катя показала удостоверение.

– Так, Нина Ивановна Савельева. А почему вы едете в машине Городецкого?

– А меня товарищ военный обещал подвезти. Я в город за покупками еду, – и одернула кофточку, отчего ее соблазнительные формы стали еще нагляднее.

Старший окинул плотоядным взглядом ладную фигуру Кати:

– Значит, говорите Нина Ивановна Савельева?

– *Обо мне они ничего не знают.* А я знаете, в город за покупками еду. Вот, посадил меня друг военный. А вы в город едете? Возьмите меня с собой, пожалуйста, а то здесь автобуса не дождешься!

– А это, как себя вести будешь, – усмехнулся тот, что помоложе, и слегка погладил Катину пышную грудь.

– А я с военными завсегда себя правильно веду.

– Коля, заворачивай вон на ту просеку.

На лесной полянке старший группы решительным движением обнял Катю и попытался ее повалить на землю.

– Ой, что вы?! Разве так можно? Да подождите же! Вы же мне так кофточку помнете и юбку испачкаете. В чем же я в город тогда поеду? – Катя неторопливыми движениями сняла кофту и юбку, аккуратно их свернула и положила на сиденье машины. – Ну а вы что? Женщин в исподнем не видели?

От необычного поведения и ослепительной фигуры Кати, оставшейся в крохотных трусиках и бюстгалтере, который не столько скрывал, сколько подчеркивал достоинства Катинной стати, офицеры ВБ остолбенели.

– Ну что же вы? Так и будете при полном параде? Вы хоть ремни и гимнастерки снимите, а то вы меня всю своими пуговицами и пряжками исцарапаете!

– И то правда, – сказал старший и стал снимать гимнастерку. Второй немедленно последовал его примеру.

Ох неудобное это дело – снимать гимнастерку! Особенно, когда торопишься в предвкушении... Рукава путаются... И вообще, в течение нескольких мгновений вы ничего не видите... Поэтому не было ничего удивительного в том, что оба любителя молодых женских телес очутились на земле с помутившимся сознанием и связанными за спиной руками. Что же касается шофера, то он с большим интересом наблюдал за происходящим, а потому не заметил как на заднем сиденье приподнялся Городецкий и со всего размаха обрушил страшный удар спаренными кулаками скованных рук на его уже начавший лысеть затылок.

– Молодец, Катюша!

– Молодец – то молодец. А что с этими иродами делать будем?

– Что делать, спрашиваешь? Во-первых, ключик от наручников у шофера в кармане... Спасибо, а то руки затекли. Документы и оружие нужно забрать. И пусть отдыхают! С дороги их не видно. А пока придут в себя и домой доберутся, мы тоже успеем кое-какие меры принять.

– Александр Григорьевич, а кто знал, когда и куда вы поедете?

– Пожалуйста, зови меня Сашей. А перед отъездом я только с секретаршей Прозорова говорил. А ловко ты их разыграла!

– Так учили. Ой, а что же это я? – Катя потянулась за сложенной на заднем сиденьи одеждой.

Городецкий, казалось, только сейчас обратил внимание на «форму одежды» капитана Костровой: «Волшебное зрелище!».

– Ой, да ну вас... Саша!

– Знаешь что, пересаживайся-ка ты, капитан Кострова, на заднее сиденье, а то я не могу сосредоточиться. Еще наеду на кого-нибудь!

Катя неожиданно для самой себя клюнула Городецкого в щеку и перепрыгнула на заднее сиденье машины.

Встреча на дороге

Алексей Алексеевич не то, чтобы очень любил водить машину. Просто он, старый разведчик, считал, что чем меньше людей знает, куда и зачем он ездит, тем лучше для дела. А уж если он едет один, то тут уж, точно конфиденциальность его действий гарантирована. Конечно, пристраивались время от времени в хвост его машины люди Берлиозова (учуял что-то нутром тертый калач-контрразведчик, хоть вроде бы фактов серьезных не было), но потом агенты отстали. Алексей Алексеевич никогда не пытался оторваться от хвоста, просто менял цель поездки. А пару раз Прозоров проявил своеобразный юмор: заметив «хвост» он отправлялся на дальнюю рыбалку, благо у него всегда была в запасе канистра топлива. Увлеченный преследователь неожиданно для самого себя оказывался без горючего в самом неподходящем месте. Алексей Алексеевич на обратном пути, а в этих случаях он никогда не торопился, любезно предлагал подвезти незадачливого водителя или же позвонить, если тот укажет номер телефона и к кому именно обращаться. От его услуг, конечно, отказывались и предпочитали терпеть, пока «свои» не найдут.

А сегодня не везло Прозорову. Мало того, что дорога от магистрального шоссе до поселка в котором находились кооперативные дачи почившего в бозе Уникума, как раз в это время ремонтировалась, а потому была вся в рытвинах и колдобинах, которые и днем-то было трудно объезжать, так еще, на беду, к вечеру начался сильный дождь. Поэтому все внимание Алексея Алексеевича было полностью сосредоточено на дороге, и он только в последнюю минуту в свете фар заметил шедших по дороге людей. Мгновенная реакция, машина круто свернула в сторону, но путников окатило из огромной лужи, через которую прошла, отворачивая от них, машина.

Прозоров резко, так что заныли сцепления, остановил машину и поспешил к пострадавшим. Они стояли, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Извините, ради бога! – обратился он к мокрым, как новорожденные котята, женщине и ребенку. – Пожалуйста, быстренько в машину. Я живу недалеко. Обсушитесь, обогреетесь. А то, неровен час, пневмонию схватите!

Второго приглашения не потребовалось.

Дома Прозоров немедленно включил газовую колонку ванны, собрал из своего гардероба все, что могло понадобиться его неожиданным гостям (благо роста он был чуть ниже среднего и по-прежнему худощав, так что больших проблем с одеждой не было).

А теперь быстренько в ванну, а я тем временем что-нибудь приготовлю, – говорил он нарочито бодрым голосом. – На разносолы не надейтесь. Как говорится, горячо будет, а за вкус не ручаюсь.

– Господи, какие там разносолы! Спасибо, что на дороге нас не бросили!

– Что же это вы так! Благодарите за то, что я не мерзавец. Не знаю, кем надо быть, чтобы так поступить. Ладно, – прервал Прозоров самого себя, – ванна готова. Вот в этой стопке на первый случай все, чтобы вам переодеться. А вашу одежду бросьте в эту машину. Она сама стирает и сушит. Вот только гладить не обучена. Да, Извините, я даже не представился. Алексей Алексеевич Прозоров.

– Марина Дмитриевна. А моего сынишку зовут... Сыночка, скажи дяде как тебя зовут.

– Меня зовут Коленька, – пробасил карапуз.

– Очень приятно. Вот и познакомились. А теперь ванна, ужинать и спать. Марина Дмитриевна, завтра что-нибудь придумаем, а пока придется вам с Коленькой довольствоваться тахтой в столовой. Коленька, ты не возражаешь, что придется спать вместе с мамой?

Коленька кивнул и, на всякий случай, покрепче ухватил маму за руку.

Ночью у Коли поднялась температура. Вызванный утром врач определил бронхит и прописал постельный режим. Так что об уходе из гостеприимного дома не могло быть и речи.

Алексей Алексеевич не расспрашивал молодую женщину о причине, побудившей ее путешествовать пешком с маленьким сыном в холодную ночь под дождем. Опыт показывал, что расспросы только настораживают, и, наоборот, отсутствие явно выраженного интереса заставляет разговариваться. Так оно и вышло.

Вечером следующего дня, вернувшись из города, Прозоров затопил камин и пригласил Марину Дмитриевну, как он выразился, посидеть у камелька.

Несколько минут они сидели молча, следя игру огня в камине (Есть что-то атавистическое в том, что людей тянет к открытому огню в печурке, в камине или костре).

Первой нарушила молчание Марина: «Дорогой Алексей Алексеевич, я вам очень за всё благодарна, но нам нужно объясниться. Я не знаю, кто вы такой, и чем вы занимаетесь. Важно другое. С моим приходом в ваш дом, к вам, пришла опасность».

– Да? Очень интересно! И в чем же эта опасность заключается? – Алексей Алексеевич недоверчиво улыбнулся.

– Я серьезно. Мой муж, Наследин Андрей Федорович, арестован и осужден трибуналом как вредитель. Мы жили на казенной квартире. Нас с Коленькой немедленно выставили. Спасибо, у меня оставалось немного денег, мы с Андрюшей на отпуск откладывали, и я решила отправиться к дальней родственнице пока пожить, осмотреться. Но вот ошиблись, вышли на этом полустанке, а тут даже переночевать негде, и следующий поезд только утром. Мне присоветовали ловить машину на шоссе... Вот и поймала.

– *Может так, а может и не так. Если легенда, то очень приличная.* Да, Марина Дмитриевна, попали вы в передрагу. За предупреждение спасибо, но бог не выдаст, свинья не съест. Вот у меня и поживете, осмотритесь, а потом решим, как вам быть, что дальше делать. Во всяком случае, пока Коленька не поправится...

Марина не знала, что еще ночью Прозоров просмотрел и переснял ее документы, а утром они уже оказались в руках у старого боевого друга, а теперь начальника спецотдела КВБ, Павла Артемьевича Буракова. Не верил старый разведчик в случайности. А еще через два дня, закрывшись в кабинете, Прозоров читал подробную записку. Чутье его не подвело. Марина говорила правду, но не всю. Муж действительно был арестован и осужден как вредитель. Марину и Колю выставили из квартиры и... забрали в КВБ. Там ее завербовали и поручили втереться в доверие к Прозорову. Вербовка была проста как клюква: Вы выполняете наши задания, и тем самым помогаете вашему мужу, себе и сыну. Вы отказываетесь помогать – вас арестуют отправят в лагерь как сообщницу вредителя, а сына – в лагерь для детей изменников Родины.

К записке было приложено свидетельство о смерти Наследина вследствие острой сердечной недостаточности, а также результаты реального обследования причин смерти – множественные переломы, отбитые почки, выбит глаз, тяжелое сотрясение мозга и субдуральная гематома (внутричерепное кровоизлияние).

– *Ну что ж, предупрежден – значит, вооружен. Правда, непонятно, зачем Берлиозову или Грибову это понадобилось. Может слухи просочились о составе отряда сопровождения? Пожалуй, нет. В этом случае они действовали бы куда решительнее. А все-таки надо будет Игумену заняться профилактикой. Тогда что? Обида, что с ихними «хвостами» так просто разделялся? Нет, не тот человек Лавр, по мелочам не работает. А может из-за того, что я ему списки заграничной агентуры не выдал? Скорее всего так. Тогда Марина серьезный агент. И легенда у нее хорошая – без Буракова, пожалуй бы не скоро раскрыл. Значит, надо перевербовывать. Только не сломать бы ее на этом.*

Через несколько дней, опять же у камина, Прозоров начал издали:

– Говорил я сегодня с доктором. Еще пару дней и Коленька сможет гулять. Хотел я ему самокат привезти, да где тут по нашим местам на нем покатаешься. Для самоката твердая дорога нужна. Вот я ему сетку и мяч для баскетбола привез. Сегодня же сетку и прикреплю. Пусть тренируется.

– Алексей Алексеевич, дорогой, что ж мы так и будем сидеть на вашей шее? Пора и честь знать!

– А вы не сидите, вы мне очень даже помогаете. С вашим появлением в доме уютно стало, чувствуется женская рука. Ну а если домашняя работа вас не устраивает, курсы дело-производства пройдете. Будете со мной работать. Тогда вам вообще цены не будет. Да, а вы хоть знаете, кто я такой?

– Я у вас в кабинете прибиралась. А там на столе бювар, а на нем ваша должность и чин указаны. Вот я и думаю, что вам посторонних держать ни к чему, тем более жену и сына репрессированного.

– Обо мне, значит, заботитесь? Спасибо. Да, а скажите, пожалуйста, как у Андрея Федоровича дела со здоровьем обстояли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.